

25 июля - Прокл. У Даля: «На Прокла - великие росы». А посему: «Убери сенцо до Прокла, чтобы не замокло». Губительны эти росы для сеноуборки. Сенцо, оно на влагу дюже как хлипкое, как избалованно-изнеженный ребёночек на простуду. Чуть что - и оно почернело. В этом отношении зерновые намного выносливее: у них и стебель, и колос будто воском слегка подёрнуты.

31 июля - Иван Многострадальный. На Ивана Многострадального готовились к многострадной поре - жатве. Зубрили серпы - главное орудие уборки. Дело это очень тонкое (по себе знаю). Не каждому было «по зубам». А посему по сёлам об эту пору ходили «серпозубы». Рожь, пшеницу, ячмень жали серпом (это была женская работа), а гречиху, овёс и горох косили.

Отрадное известие народного месяцеслова: «Оводы перестают кусать людей». Вот бы ещё от комаров избавление пришло...

Может, кто-то из молодых читателей моих подивится: а к чему это, мол, нам, горожанам, урожайно-хлебные приметы? А вот к чему. Мы, чьё детство выпало на военные и первые послевоенные голодные годы, хорошо-хорошо помним, как по вечерам в рабочих общежитиях или солдатских казармах очень-очень внимательно слушали сообщения по радио об урожаях в стране.

И вот снова я в мусорном баке вижу чуть початую буханку зачерствевшего хлебушка (белого!). Увидь такое мои дед Никифор или бабаня Матрёна, оторопели бы от изумления, а потом и вознегодовали бы от возмущения: как такое возможно, что же это деется на белом свете?! И невольно вспоминаются армейские годы.

Служил я в армии с 1958 по 1961 год. Так вот: на обед нам выдавали по два кусочка чёрного и один кусочек белого хлебушка (хлебом его тогда мало кто из нас называл – только: хлебушком!). Вот на что пригодились присылаемые нам с родины червончики, а то и четвертачки (безденежные колхозники-родители вот уж воистину отрывали их от себя!): вчетвером-впятером купим в гарнизонном буфете буханочку белого, съедим её перед вечерней поверкой - то-то сладостно спится нам эту ноченьку! Так что мне даже и приятно, что некоторых ныне не заботят урожаи на родных просторах.

Вот уж кто радуется и тешит нас, сельчан, да и жителей пригородов жигулёвских, особенно весенне-летней порою, так это птахи небесные. Себя не иначе, как возвеличивают, и нас своими песнопениями убаживают. Поначалу-то мне всё думалось: на свиданку хахалей да хахалиц заманивают. Недавно нечаянно узнал из солидного издания: тешат они себя в творческом порыве, в чаянии порадовать и себя, и слушателей своими песнопениями. Причём даже в непогоду иные из них не унимаются. Вот когда этот текст на ноутбуке набираю, в окно мне видится, как радостно вздрагивает крапивка под каплями наконец-то насланного Господом Богом долгожданного дождика. Вышел на крыльцо: то-то птаха даже под дождём надрыдается в творческо-музыкальном порыве.

Весьма примечательно, что человек способен воспринимать не всю полноту птичьего пения. Дело в том, что звучание «пернатой» музыки очень часто во много раз «ускорено» относительно человеческих возможностей восприятия. Так, человек воспринимает звуковые модуляции, если они не превышают 10 изменений в секунду. Птичье же щебетание часто содержит модуляции порядка 100-400 изменений звука в секунду, что не позволяет человеку их воспринимать. Чтобы услышать это пение, нужно применить специальную звукозаписывающую аппаратуру, способную качественно

воспроизвести пение птиц в замедленном темпе (запись обычно замедляется от 16 до 64 раз). После этого перед слушателями открывается чарующий мир звуков, среди которых можно встретить и довольно красивые мелодии, на фоне которых соловей представляется не таким уж виртуозом. Вот что пишут по этому поводу исследователи птичьего пения: «Наш соловей - один самых примитивных певцов в ряду птиц. Чемпион по совершенству музыкальной формы, по-видимому, лесной конёк. Вылетая из травы и садясь на куст, лесной конёк успевает пропеть три страницы нотного текста. Сыграть это почти невозможно даже при восьмикратном замедлении».